

К.Г. Фролов

Идентификация действий как фактор приписывания моральной ответственности*

Фролов Константин Геннадьевич – кандидат философских наук. НИУ Высшая Школа Экономики. Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; Институт философии СПбГУ. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

ORCID: 0000-0002-9071-6138

e-mail: kgfrolov@hse.ru

Статья посвящена исследованию затруднений, связанных с идентификацией действий как конкретных, локализованных в пространстве и времени событий, характеризующихся теми или иными дополнительными особенностями. Показано, что результат такой идентификации способен быть значимым фактором при приписывании агенту моральной ответственности. В первых двух разделах статьи исследуются проблемы, связанные с индивидуацией и прослеживанием границ действий в пространстве и времени, а также затруднения, сопряженные с возможностью наличия у действий пространственных и временных частей. В третьей части статьи исследуются особенности и различия между тремя подходами к тому, что является дополнительными характеристическими чертами действий, позволяющими различать их между собой. На роль таких факторов идентификации могут претендовать: наличие у всякого действия агента-актора; наличие у контролируемых телодвижений агента определенных последствий с учетом их возможных альтернатив; наличие у агента интенционального состояния, сопровождающего или предшествующего совершению тех или иных действий. В свете этих возможных факторов идентификации действий в третьей части статьи

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием». The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00485 «Deliberative Argumentation Between Reasoning and Action».

Автор выражает благодарность Глебу Карпову (СПбГУ) и Артему Юнусову (ИФ РАН) за плодотворные обсуждения, оказавшие влияние на содержание данной работы.

демонстрируются особенности интерналистского и экстерналистского подходов к понятию действия. Делается вывод о том, что основания для идентификации действий, выдвигаемые этими подходами, таковы, что их достоверное знание оказывается весьма проблематичным в реальной практике приписывания моральной ответственности, что делает допустимым возложение моральной ответственности на основании наивного способа идентификации действий, отождествляющего действия с движениями тела того или иного агента.

Ключевые слова: действие, событие, моральная ответственность, мерология, интенциональность, экстернализм, интернализм

Введение

Одним из ключевых элементов моральных практик как формы регуляции взаимоотношений между индивидами в социуме является приписывание индивидам моральной ответственности за их действия. Такое приписывание представляет собой суждение о том, что некто морально ответствен за совершение того или иного действия. Таким образом, структура такого суждения предполагает наличие двух обязательных структурных элементов: субъекта, которому приписывается ответственность, и основания – действия, за которое эта ответственность приписывается.

Столь тесная связь между категориями действия и моральной ответственности имеет своим следствием то обстоятельство, что множество затруднений, с которыми мы сталкиваемся в рамках теории действия, влекут за собой затруднения и для этической теории. Соответственно, предметом нашего исследования в рамках данной статьи будут примеры такого рода взаимосвязей. Задача же исследования заключается в том, чтобы показать, как различные способы идентификации и индивидуации действий влекут за собой различия в практике приписывания моральной ответственности.

Ясно, что процедура идентификации действий – то есть определения того, за что мы намереваемся приписать агенту моральную ответственность – предполагает наличие у нас неких *критериев* идентификации, тесно связанных с определением понятия действия. В свою очередь, классическая аристотелевская структура определения предполагает указание родового понятия для определяемого термина, а также совокупности некоторых его отличительных признаков. Для понятия действия родовой категорией со времен Д. Дэвидсона традиционно признается понятие события [Davidson, 1967].

В связи с этим обстоятельством в первых двух разделах статьи мы последовательно рассмотрим ряд затруднений и открытых вопросов, сопряженных с идентификацией действий как конкретных – то есть локализованных в пространстве и времени – событий. Второй же аспект нашего анализа будет связан с исследованием различных дополнительных признаков, значимых для идентификации действий. Соответственно, в третьей части статьи мы рассмотрим три подхода к идентификации действий – наивный, экстерналистский и интерналистский, а также достоинства и недостатки каждого из них.

Действия как события

Исходным пунктом нашего исследования будет тезис о том, что действия являются событиями. События – это то, что совершается в пространстве и времени [Hacker, 1982]. Действия представляют собой частный случай событий [Thomson, 1977]. Соответственно, события, будучи локализованными в пространстве и времени, представляют собой *то*, на *что* можно указать [Mayo, 1961]. В связи с этим события в рамках семантической модели интерпретации языковых выражений целесообразно рассматривать в качестве *индивидов* особого сорта.

Индивиды представляют собой базовый тип элементов домена в модели интерпретации высказываний. Они характеризуются тем, что являются носителями свойств, а потому им могут быть приписаны предикаты, выражающие эти свойства. При этом сами индивиды, будучи элементами базового уровня онтологической иерархии, не могут быть реализованы никакими свойствами.

В качестве типичного примера события мы рассмотрим хлопок в ладоши, по поводу которого можно отметить все указанные выше черты. Во-первых, всякий хлопок в ладоши *конкретен*, что значит, что он локализован в пространстве и времени. Он случается где-то и когда-то. Во-вторых, хлопок в ладоши может быть носителем свойств: например, он может быть громким или тихим. В-третьих, хлопок в ладоши не является свойством чего-либо. Прежде всего, хлопок в ладоши не является свойством ладоней. Ладони человека обладают многими свойствами: формой, цветом, температурой. Также они обладают *способностью* издавать хлопки как некоторым *диспозитивным* свойством. Но сами хлопки в ладоши не являются свойством ладоней. Это так прежде всего потому, что хлопки в ладоши локализованы во времени. Они *случаются* [Cresswell, 1986], тогда как свойства случаться, совершаться или происходить не могут. Так смерть человека не является его свойством. Свойствами являются его смертность, а также две возможные характеристики его состояния: человек либо жив, либо мертв. Однако все то, что происходит или случается с человеком, его свойствами не является.

События также следует отличать и от фактов [Vendler, 1967]. Факт того, что Наполеон родился в Аяччо, принадлежит к множеству всех фактов, имеющих в актуальном мире. Благодаря наличию этого факта высказывание «Наполеон родился в Аяччо» является истинным в актуальном мире. При этом событие рождения Наполеона в Аяччо не просто имело место в актуальном мире как таковом, но было в нем конкретным образом локализовано. Таким образом, факты, будучи элементами множества фактов, образующего мир, не локализованы в этом мире, тогда как события – локализованы.

При этом локализованность событий в пространстве и времени – то есть их статус в качестве конкретных индивидов – не позволяет одному и тому же событию случаться в разных местах пространства и времени, что также отличает события от свойств. Повторение события (например, хлопка в ладоши) является другим событием, нумерически нетождественным предыдущему. Однако возможность качественной сходимости между некоторыми событиями вполне допустима, что позволяет эти события типизировать. В таком случае в мире случаются события разных

типов: хлопки в ладоши, рождения и смерти людей, кражи и пожары, выступления на конференциях, обещания и клятвы, падения деревьев и многое другое.

Повторимся: такого рода типизация событий возможна потому, что некоторые события, не будучи тождественны друг другу и, быть может, существенно отличаясь между собой, тем не менее более похожи друг на друга, чем на все другие события. В свою очередь, все это возможно потому, что события обладают свойствами. Более того, принадлежность события к тому или иному типу также является свойством этого события: «быть хлопком в ладоши» является свойством каждого хлопка в ладоши в той же мере, в какой «быть столом» является свойством каждого стола.

На первый взгляд кажется, что существенным отличием между событиями как индивидами и материальными объектами, традиционно рассматриваемыми в качестве индивидов, является наличие у материальных объектов некоторого субстрата, полагаемого носителем свойств. Однако даже в случае материальных объектов их рассмотрение возможно в качестве так называемых пучков свойств [Paul, 2006] или пучков тропов [McDaniel, 2001], не имеющих никакой «скрепляющей» их субстанции [Robb, 2005]. В рамках таких пучковых теорий сближение между объектами и событиями достигает максимального уровня. В таком случае и объекты, и события представляют собой пучки разнообразных свойств, реализованных в тех или иных местах пространства и времени [Barker, Jago, 2018].

Однако заведомо нематериальный статус событий и действий как индивидов – носителей свойств – чреват одним существенным затруднением. Оно состоит в неопределенности границ событий и действий как в пространстве, так и во времени. Ясно, что не всякое событие или действие случается одномоментно, некоторые из них растянуты во времени, в связи с чем они имеют так называемые темпоральные части [Simons, 2000]. Также события и действия вполне могут иметь пространственные части [Thomson, 1977]. Так, вождение автомобиля состоит из управления рулем при помощи рук и педалями при помощи ног. В той же мере вождение автомобиля может включать в себя поворот руля вначале вправо, а затем влево [Gerstl, Pribbenow, 1995, 884]. Отдельные действия-части складываются вместе и при определенных условиях образуют целостное действие подобно тому, как материальные части объектов при определенных условиях образуют целое, тогда как другие сочетания действий не образуют никакой целостности, оставаясь всего лишь совпавшими в пространстве и времени. Так, поворот руля водителем является частью управления автомобилем, но не является частью его разговора с пассажиром. Также и разговор с пассажиром не является частью управления автомобилем.

Такого рода прослеживание отношений между действиями, их частями и тем, что их элементами не является, в некоторых случаях кажется вполне очевидным. Однако так происходит далеко не всегда. Так, выбор продуктов в супермаркете является частью процесса покупки продуктов. Оплата выбранных товаров в кассе супермаркета также является частью процесса покупки продуктов [Winston et al., 1987, 426]. Но является ли, например, покупка продуктов к ужину частью приготовления ужина? Является ли чтение источников частью процесса написания научной статьи? Является ли поездка в библиотеку

на метро частью процесса написания научной статьи? Может ли глоток кофе быть частью процесса написания статьи как некоторого длящегося во времени действия?

Совокупность условий складывания из действий-частей единого целого представляет собой предмет исследования для *мереологии действий* [Simons, 2013, 161]. При этом предмет мереологии действий имеет свою специфику, которая существенно ограничивает спектр возможных подходов в этой области по сравнению с аналогичными подходами в области мереологии материальных объектов. Связано это с наличием характеристических свойств, отличающих действия от других событий. Как уже упоминалось выше, такими условиями могут быть неперенное наличие агента-актора; наличие у этого агента контроля над происходящим событием; наличие у агента намерения, предшествующего реализации того или иного события. В любом случае наличие таких факторов, конституирующих всякое действие как таковое, не позволяет говорить об аналоге принципа неограниченной композиции для действий. Произвольная мереологическая сумма действий различных агентов, руководствующихся различными намерениями, определенно не составляет целостного коллективного действия. Однако другие аналоги мереологических теорий в случае действий вполне допустимы. Так, мы можем говорить об аналоге мереологического нигилизма, допускающего существование только таких действий, которые не имеют собственных частей. Мы можем также говорить об аналоге теории грубой композиции действий, предполагающей, что наличие или отсутствие мереологических отношений между теми или иными действиями является грубым фактом, не нуждающимся ни в каком обосновании. Наконец, мы можем говорить об аналоге эссенциалистских теорий, допускающих существование натуральных видов действий, чьи сущностные черты определяют границы этих действий и их состав.

При этом проблематика мереологии действий имеет определенное практическое измерение в той мере, в какой действия агента могут предполагать ответственность. Так, за различные действия, никак не связанные между собой, но лишь случайным образом совпавшие в пространстве и времени, агент несет ответственность отдельно и независимо: например, отдельно за управление автомобилем и отдельно – за свои слова, произнесенные в разговоре с пассажиром. При этом ответственность агента за целостное действие и за совершение его отдельных частей не поддается такому разделению: агент отвечает как за управление рулем при помощи рук, так и за управление педалями при помощи ног, причем речь идет об одной и той же ответственности за управление автотранспортным средством. Это так просто потому, что управление автомобилем как целостное действие *супервентно* на совокупности своих частей.

Также вопросы мереологии действий имеют практическое значение потому, что отношения между действиями-частями и целостным действием могут быть основанием для объяснения действий-частей. Так, Майкл Томпсон [Thompson, 2010] предлагает следующий пример объяснения действия: «Я разбил яйцо потому, что делал омлет». По мнению Томпсона, экспланандум может быть частью эксплананса, и указание на наличие такого мереологического отношения между ними вполне может быть приемлемым объяснением. Если

это действительно так, то аналогичные отношения между частями и целым могут служить основанием, например, и для такого рода объяснений: «Я пью кофе потому, что пишу научную статью». Имеем ли мы дело в данном случае с приемлемым объяснением или же нет, зависит от того, можно ли считать употребление кофе частью процесса написания научной статьи. В свою очередь, ответ на последний вопрос зависит от того, каких критериев мы придерживаемся в вопросе об образовании мерологического единства действий. Например, такого рода критерием может быть наличие общей цели у отдельных действий-частей. Так, и употребление кофе, и нажатие мною клавиш на клавиатуре компьютера преследуют в качестве цели некоторое положение дел, при котором данная статья написана и отправлена мною в редакцию. Схожим, но тем не менее отличным от предыдущего критерием единства действий является наличие у агента общего плана, в рамках которого действия-части являются отдельными пунктами или этапами [Bratman, 1987].

Также наличие у действий возможных частей влечет возможность совершения коллективных действий [Searle, 1990], допускающих наличие коллективной агентности [Tuomela, 2003], коллективного намерения [Bratman, 1992] и коллективной ответственности [Petit, 2003]. Все эти категории представляют собой предмет для интенсивных и актуальных метафизических исследований. Особый интерес в связи с этим представляет вопрос о мере ответственности агента за совершение отдельных действий, являющихся частями коллективного действия, другие части которого были совершены другими агентами. Примером такого рода может быть соучастие в преступлении, такое как транспортировка и передача боеприпасов террористам. С теоретической точки зрения ясно, что определяющим фактором здесь является наличие общего плана и общей цели у всех соучастников. Вопрос об ответственности, однако, становится значительно сложнее в том случае, если не всем соучастникам в момент совершения преступления был известен план и конечная цель тех действий, в осуществлении которых они приняли частичное участие. При этом наличие особо тяжких последствий таких коллективных действий лишь усиливает в таких случаях тенденцию к назначению судом меры наказания, значительно превышающей наказание за аналогичные действия, не приведшие к столь тяжелым последствиям. Фактор наличия умысла, имеющий в теории первостепенное значение, в таких случаях имеет тенденцию отходить на второй план.

Еще несколько затруднений

Трудности в прослеживании границ действий в пространстве и времени влекут за собой также и определенные затруднения в выявлении критериев темпоральной самоотжественности для событий и действий, длящихся во времени. Легко обнаруживаемые в естественном языке примеры подобного рода выглядят следующим образом: «Бегун упал, но затем поднялся и продолжил свой забег; через час его ожидает новый забег». Здесь между тремя отрезками бега имеется два разрыва. Однако первый разрыв не мешает нам характеризовать два беговых отрезка в качестве частей *одного и того же*

забега, тогда как беговой отрезок, состоявшийся через час, уже не будет частью *того же* забега.

Нетрудно усмотреть здесь прямую аналогию между классом таких действий, как бег, и классом неисчислимых объектов, таких как вино или вода. Так, любая часть некоторого объема воды является той же водой, что и весь объем в целом. При этом одна часть объема воды нумерически не тождественна другой части. В той мере, в какой уместно задаваться вопросом о том, образует ли совокупность молекул воды некий объект или нет, столь же уместно задаваться вопросом о том, образует ли совокупность беговых шагов некое составное действие – бег. Таким образом, подобно тому, как мы сталкиваемся с проблемой критериев индивидуации объектов, мы также сталкиваемся и с проблемой критериев индивидуации действий.

Ясно при этом, что в случае бега определяющим критерием для такой индивидуации является вовсе не длительность временного разрыва между отдельными отрезками-действиями, но обстоятельства культурного контекста, выражаемые в форме некоторой совокупности принимаемых конвенций. В связи с этим в рамках данной проблематики проявляет себя дискуссия по поводу контекстуализма [Вострикова, Куслий, 2021] как тезиса о том, что корректность всякого языкового употребления всякий раз определяется широким контекстом, учет обстоятельств которого не может быть алгоритмизирован.

Трудности с прослеживанием темпорального тождества действий могут быть распространены и на другие модальности в той мере, в какой темпоральные контексты представляют собой частный случай модальных контекстов. Так, в рамках исследования алетических альтернатив мы можем задаваться вопросом о пределах отличий этих альтернатив, в рамках которых исследуемое действие остается тем же самым действием, которое было совершено в актуальном мире. Мог ли, например, гол, забитый в футбольном матче, быть забит другим футболистом? Мог ли тот же гол быть забит не головой, а ногой? Мог ли тот же гол быть забит раньше или позже в том же матче?

При этом, поскольку мы в данном случае рассматриваем действия в качестве индивидов, то тип модальности, с которым мы здесь имеем дело, является модальностью *de re* в отношении действий, что распространяет на действия все известные затруднения с модальностью *de re* [Целищев, 2018].

Помимо затруднений с прослеживанием нумерического тождества действий во времени мы также можем рассмотреть и трудности с установлением качественного тождества двух нумерически различных действий. Могут ли, например, два убийства быть одинаковы по мере своей жестокости? Какими критериями и основаниями мы можем руководствоваться для сопоставления действий на предмет их качественного сходства?

Наконец, особые сложности метафизического порядка возникают в случае анализа так называемых ментальных действий – действий в рамках психической жизни агента, доступных для восприятия исключительно из перспективы первого лица. Это такие действия, как: «Агент А решил / понял / захотел / осознал, что *p*». Также как и обычные физические действия, ментальные действия конкретны – они происходят где-то и когда-то. Хотя процессы осознания или формирования желания вовсе не обязательно случаются одномоментно, само

обсуждение хронологии таких процессов не лишено смысла, хотя порой и затруднительно с методологической точки зрения. В этом, собственно, и состоит главное затруднение, связанное с ментальными действиями. Хотя они реализуются в пространстве и времени, их прослеживание затруднено по сравнению с физическими событиями, процессами и действиями, поскольку ментальные процессы и действия могут не иметь никаких физических проявлений, примером чего может быть счет в уме, пение про себя, мысленные клятвы и обещания самому себе и так далее [Карпов, 2020]. При этом многие ментальные действия – такие, как мысленное принятие решения поступить тем или иным образом – могут рассматриваться в качестве мереологических частей более крупных действий, другие части которых могут быть физическими действиями, такими как движения частей тела [Wilson, 1989]. В то же время, будучи в достаточной степени автономными, ментальные действия вполне могут предполагать наличие ответственности даже в отсутствие сопряженных с ними физических действий, что открывает простор для широкого класса проблематичных, но вполне возможных явлений: начиная от моральной ответственности за греховные помыслы до юридической ответственности за вынашивание преступных планов.

Все указанные выше вопросы и затруднения раскрывают проблемный метафизический статус понятия действия как особого вида событий и очерчивают достаточно широкое поле для аналитических исследований. Перейдем теперь к рассмотрению затруднений, связанных с выявлением тех особенностей действий, которые позволяют их отличать от других происходящих в мире событий.

Экстернализм и интернализм в теории действия

Помимо уже рассмотренных затруднений с определением границ действий и их мереологических отношений друг с другом, еще одним проблематичным аспектом идентификации действий являются затруднения, связанные с учетом значимых сопряженных обстоятельств, способных влиять на нашу склонность качественно отождествлять или различать действия, внешне представляющих собой два качественно неразличимых физических события. Под такими качественно неразличимыми физическими событиями мы в данном случае будем понимать движения тела агента. Соответственно, факторы и обстоятельства, побуждающие нас по-разному идентифицировать внешне одинаковые движения тела, показывают, что действия – это, по-видимому, нечто большее, чем просто физические события. Действия характеризуются наличием некоторых дополнительных факторов, которые, однако, мы можем определять по-разному, получая на выходе различные теории действия.

Мы рассмотрим три подхода к понятию действия, а именно:

- действия – это любые контролируемые движения тела некоторого агента;
- действия – это контролируемые движения тела агента с учетом их последствий в пространстве возможных альтернатив;
- действия – это «интенциональные» движения тела агента с учетом его намерений.

Различия между этими подходами проявляются в различимости или, наоборот, в качественном отождествлении тех или иных действий. Так, в зависимости от того, какой из трех подходов мы для себя выбираем, некоторые движения тел агентов будут относиться к одному и тому же типу действий, тогда как с точки зрения других подходов эти же движения будут относиться к разным типам действий.

Поясним сказанное на примере. Пусть у нас есть агент, который оказывается свидетелем того, как в озере тонет ребенок. Этот агент оказывается перед выбором: броситься ли ему в воду, чтобы попытаться спасти ребенка, или пройти мимо. Пусть агент решает воздержаться от спасения и продолжить свою прогулку вдоль берега озера. Тогда, согласно третьему подходу, если это решение сопровождается намерением создать условия, чтобы ребенок утонул, то такое поведение агента качественно отличается от внешне схожего поведения, не сопровождающегося намерением создать условия для смерти ребенка. В зависимости от этого фактора, с точки зрения третьего подхода, мы имеем дело с двумя *разными* действиями, внешне выглядящими как одинаковые движения тела агента (агент прогуливается по берегу озера), а потому качественно неразличимыми с точки зрения первого подхода. В свою очередь, разные действия естественным образом предполагают разную меру моральной ответственности за их совершение.

В то же время, согласно второму подходу, качественно различными оказываются схожие движения тела с одинаковыми намерениями, но в различных обстоятельствах. Пусть, как и в предыдущем примере, агент решает не спасать тонущего в озере ребенка и продолжить свою прогулку, но при этом не имеет осознанного намерения создать тем самым условия, угрожающие жизни ребенка. Тогда в рамках второго подхода результат его выбора следует признать качественно различным в зависимости от того, мог ли он спасти ребенка при альтернативном своем решении или не мог [Карпов, 2022]. В зависимости от этого фактора мы также имеем дело с двумя *разными* действиями, внешне выглядящими одинаково (агент прогуливается по берегу озера), а потому неразличимыми ни с точки зрения первого подхода, ни с точки зрения третьего. И вновь разные действия предполагают разную меру моральной ответственности за их совершение – если агент мог спасти ребенка, но не сделал этого, то мера его ответственности явно выше, чем в случае, если никакие его телодвижения не могли бы привести к иному исходу.

Что примечательно, в данном случае два этих действия совпадают не только с точки зрения стороннего наблюдателя, то есть из перспективы третьего лица, но и из перспективы первого лица. Они неразличимы, в том числе, и для самого агента. Впоследствии агент до конца своей жизни может не знать, чем именно было его решение продолжить прогулку: благоразумным выбором в условиях заведомо безнадежной ситуации или неоправданным не оказанием требуемой и возможной помощи. Более того, возможна и обратная ситуация, при которой агент бросился спасать ребенка, который не мог утонуть ни в одной из возможных альтернатив, поскольку являлся тренированным пловцом. В таком случае, агент может до конца жизни ошибочно полагать, что спас это-му ребенку жизнь.

Тем самым второй подход предполагает экстерналистскую трактовку действий, в рамках которой агентам далеко не всегда известно, чем именно являются совершаемые ими поступки. Ведь тип и характер этих действий определяется структурой альтернатив [van Benthem, Pacuit, 2014, 299; Belnap, Perloff, 1988], которая зачастую агенту неизвестна.

В свою очередь, третий подход к понятию действия характеризуется интерналистской установкой, в рамках которой агент, судя из перспективы первого лица, всегда способен достоверно определить, чем именно являются или являлись его действия, поскольку основным характеризующим фактором здесь выступают намерения агента, всегда безошибочно ему известные [Anscombe, 1957]. Агент в данном случае не может заблуждаться на счет характера своих действий [Falvey, 2000]. При этом интерналистская установка в отношении действий предполагает не только то, что агент *всегда* способен знать, чем являются его действия, но и то, что *только* сам агент, судя из перспективы первого лица, способен достоверно идентифицировать свои действия, поскольку *только* самому агенту доступны необходимые для этого свидетельства психической жизни (те самые ментальные состояния, процессы и действия, о которых мы говорили выше), которые достоверно характеризуют его мотивы. Как отмечает К. Фалви, «мои суждения о том, что я делаю намеренно, просто нечувствительны к тем наблюдениям, которые могут составлять единственные основания, на которых наблюдатель был бы в состоянии формулировать суждения о том, что я делаю» [Ibid., 26].

Интерналистская установка в отношении действий находит свое подтверждение в ряде примеров. Представим, что во время светской беседы один из собеседников подавился канале и немного закашлялся, что было расценено некоторыми из присутствующих как форма проявления его крайнего несогласия и возмущения по поводу сказанного предыдущим спикером, а также было расценено самим предыдущим спикером как прямое оскорбление в свой адрес. Имеется три различных варианта того, чем именно мог быть кашель рассматриваемого агента: (1) он мог быть вполне естественным, произвольным и не имеющим никакого отношения к содержанию речи предыдущего спикера; (2) он мог быть естественной, произвольной и неконтролируемой реакцией на содержание речи предыдущего спикера; (3) он мог быть намеренной и демонстративной реакцией на содержание речи предыдущего спикера.

На первый взгляд, кажется вполне естественным полагать, что в первом случае в рамках рассматриваемого сценария агент не несет никакой моральной ответственности за свой кашель, который, по сути, является не действием, а обычным физическим событием, случившимся с данным агентом. В третьем случае, напротив, полнота ответственности агента за свои намеренные действия, сопровождаемые осознанием их возможных последствий, достаточно очевидна. Интересен здесь второй случай, в рамках которого кашель агента представляет собой «интенциональное» движение тела, то есть движение, выражающее определенное интенциональное содержание [Davidson, 1980]: это кашель *по поводу* услышанного, представляющий собой проявление резкого неприятия и возмущения. Тем самым это хотя и произвольный, неконтролируемый, но «содержательный» кашель. Соответственно, с интерналистских

позиций наличие такого интенционального содержания позволяет характеризовать такой кашель в качестве действия. Тогда как с экстерналистских позиций тот же кашель действием не является, поскольку он не был контролируемым движением тела агента и не предполагал со стороны агента никакого выбора. Как следствие, с экстерналистской точки зрения такой кашель не предполагает моральной ответственности агента, поскольку агент не обладал условием альтернативных возможностей: он не мог поступить иначе [van Inwagen, 1975]. С интерналистской же точки зрения приписывание моральной ответственности в данном случае вполне допустимо, поскольку такой кашель, будучи действием, имел определенное интенциональное содержание, непроизвольно выраженное в коммуникативно распознаваемой форме.

Заключение

Подводя некоторые итоги, можно заметить, что и экстерналистский, и интерналистский подходы к понятию действия являются своего рода крайностями, затрудняющими обоснованное приписывание моральной ответственности на практике. Экстерналистский подход требует от нас знать слишком многое о характере доступных агенту альтернатив и об их последствиях. Так, чтобы обосновано судить о мере ответственности со стороны пожарного Генина, принимавшего участие в тушении пожара в торговом центре «Зимняя вишня» в городе Кемерово, нам, прежде всего, требуется установить, каковы были его действия. При этом, с экстерналистской точки зрения, оказывается совершенно недостаточно определить, каковы были физические события – где, когда и в каких положениях находился Генин в те мгновения и минуты. Для идентификации того, что именно представляли собой его действия, требуется также знать, какие альтернативные стратегии действий были ему физически доступны, а также каковы были бы их исходы. Однако такое достоверное знание абсолютно не реалистично и выходит далеко за рамки познавательных возможностей человека. Интерналистский подход также требует от нас практически невозможного: достоверного знания намерений и интенций агента, наблюдаемого из перспективы третьего лица. В связи с этим сама насущная необходимость практики приписывания моральной ответственности подталкивает нас к выбору простейшей альтернативы, трактующей действия как контролируемые физические телодвижения агентов. В самом деле, ведь установить с достаточной степенью достоверности состав произошедших физических событий и принимавших в них участие лиц представляется куда более реализуемой задачей, чем с той же степенью достоверности установить характер возможных альтернативных исходов или намерений этих лиц. Конечно, наивной стратегии приписывания ответственности заведомо присуще наличие множества недостатков, суть которых сводится к тому, что такой подход не различает важных нюансов, которые как раз и стремятся выявить интерналистский и экстерналистский подходы. Но это неразличение соответствует нашим ограниченным познавательным возможностям: мы не можем достоверно судить о том, каковы были исходы доступных Генину альтернатив и каковы были его

интенции. А потому единственное, что нам остается – это приписывать ответственность в таких случаях на основании подтвержденной причастности агентов к случившимся событиям с учетом тяжести их последствий.

Identification of Actions as a Factor in Attributing Moral Responsibility

Konstantin G. Frolov

HSE University. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; St. Petersburg State University, Institute of Philosophy. 5 Mendeleevskaya lin., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-9071-6138

e-mail: kgfrolov@hse.ru

In this paper I analyse some theoretical problems with identification of actions as concrete events which possess certain features. I show that the result of such identification can be a significant factor in attributing moral responsibility to an agent. In the first two sections I explore the problem of tracing the boundaries of actions in space and time and the theoretical option that actions can have spatial and temporal parts. In the third section I explore three approaches to what are the features of actions that allow distinguishing them from all other types of events and from each other. Such features can be defined as: the presence of an agent; the presence of a control over agent's body movements, taking into account their accessible alternatives and their possible consequences; the presence of an agent's intentional state that precedes or accompanies the performance of certain body movements. In the light of these possible factors for identifying actions, in the third part of the article I show the features of internalist and externalist approaches to the concept of action. I draw a conclusion that possession of justification which is required for identifying actions by these approaches turns out to be so problematic in practice, that it makes reasonable to assign moral responsibility on the basis of a naive approach that identifies actions with movements of the agent's body.

Keywords: action, event, moral responsibility, mereology, intentionality, externalism, internalism

Литература / References

Вострикова Е.В., Куслий П.С. Контекстуализм и проблема аскрипции знания // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 4. С. 110–126.

Vostrikova, E.V., Kusliy, P.S. "Kontekstualizm i problema askriptsii znaniya" [Contextualism and the Problem of Knowledge Ascription], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, Vol. 58, No. 4, pp. 110–126. (In Russian)

Карпов Г.В. Нравственное измерение речевых актов, адресованных себе // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2020. № 57. С. 74–89.

Karpov, G.V. "Nравstvennoe izmerenie rechevykh aktov, adresovannykh sebe" [Selfward Speech Acts in the Context of Kant's Ethics and More], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria "Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya"*, 2020, No. 57, pp. 74–89. (In Russian)

Карпов Г.В. Сколькими способами можно не совершать действие? // Дискурс. 2022. № 1. С. 19–37.

Karpov, G.V. "Skol'kimi sposobami mozhno ne sovershat' deistvie?" [How Many Ways Are There not to Act?], *Diskurs*, 2022, No. 1, pp. 19–37. (In Russian)

Целищев В.В. Понятие объекта в модальной логике. М: URSS, 2018.

Tselishchev, V.V. *Ponyatie ob'ekta v modal'noi logike* [The Concept of an Object in Modal Logic]. Moscow: URSS Publ., 2018. (In Russian)

Anscombe, E. *Intention*. Oxford: Basil Blackwell, 1957.

Barker, S., Jago, M. "Material Objects and Essential Bundle Theory", *Philosophical Studies*, 2018, Vol. 175, No. 12, pp. 2969–2986.

Belnap, N., Perloff, M. "Seeing to It that: A Canonical Form for Agentives", *Theoria*, 1988, Vol. 54, pp. 175–199.

Bratman, M. *Intention, Plans, and Practical Reason*. Cambridge, MA: Harvard UP, 1987.

Bratman, M. "Shared Cooperative Activity", *The Philosophical Review*, 1992, Vol. 101, pp. 327–341.

Cresswell, M.J. "Why Objects Exist but Events Occur", *Studia Logica*, 1986, Vol. 45, pp. 371–375.

Davidson, D. "The Logical Form of Action Sentences", *The Logic of Decision and Action*, ed. by N. Rescher. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1967, pp. 81–120.

Davidson, D. *Essays on Actions and Events*. Oxford: Oxford UP, 1980.

Falvey, K. "Knowledge in Intention", *Philosophical Studies*, 2000, Vol. 99, pp. 21–44.

Gerstl, P., Pribbenow, S., "Midwinters, End Games, and Bodyparts. A Classification of Part-Whole Relations", *International Journal of Human-Computer Studies*, 1995, Vol. 43, pp. 865–889.

Hacker, P.M.S. "Events and Objects in Space and Time", *Mind*, 1982, Vol. 91, pp. 1–19.

Mayo, B. "Objects, Events, and Complementarity", *Mind*, 1961, Vol. 70, pp. 340–361.

McDaniel, K. "Tropes and Ordinary Physical Objects", *Philosophical Studies*, 2001, Vol. 104, No. 3, pp. 269–290.

Robb, D. "Qualitative Unity and the Bundle Theory", *The Monist*, 2005, Vol. 88, No. 4, pp. 466–492.

Paul, L.A. "Coincidence as Overlap", *Noûs*, 2006, Vol. 40, No. 4, pp. 623–659.

Petit, P. "Groups with Minds of their Own", *Socializing Metaphysics – the Nature of Social Reality*, ed. by F. Schmitt. Lanham: Rowman & Littlefield, 2003, pp. 167–193.

Searle, J. "Collective Intentions and Actions", *Intentions in Communication*, ed. by P. Cohen, J. Morgan, M. Pollak. Cambridge, MA: MIT Press, 1990, pp. 401–415.

Simons, P.M. "Continuants and Occurrents", *Proceedings of the Aristotelian Society*, 2000, Vol. 74, pp. 59–75.

Simons, P.M. "Varieties of Parthood: Ontology Learns from Engineering", *Philosophy and Engineering: Reflections on Practice, Principles and Process*, ed. by D.P. Michelfelder et al. Berlin: Springer, 2013, pp. 151–163.

Thompson, M. *Life and Action*. Cambridge, MA: Harvard UP, 2010.

Thomson, J.J. *Acts and Other Events*. Ithaca: Cornell UP, 1977.

Tuomela, R. "The We-Mode and the I-Mode", *Socializing Metaphysics – the Nature of Social Reality*, ed. by F. Schmitt. Lanham: Rowman & Littlefield, 2003, pp. 93–127.

van Benthem, J., Pacuit, E. "Connecting Logics of Choice and Change", *Outstanding Contributions to Logic: Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action*, ed. by T. Müller. Cham: Springer, 2014, pp. 291–314.

van Inwagen, P. "The Incompatibility of Free Will and Determinism", *Philosophical Studies*, 1975, No. 27, pp. 185–199.

Vendler, Z. "Facts and Events", in: Z. Vendler, *Linguistics in Philosophy*. Ithaca: Cornell UP, 1967, pp. 122–146.

Wilson, G. *The Intentionality of Human Action*. Stanford, CA: Stanford UP, 1989.

Winston, M., Chaffin, R. Herrmann, D. "A Taxonomy of Part-Whole Relations", *Cognitive Science*, 1987, Vol. 11, pp. 417–444.